

Семиотические аспекты анализа лжи*

А. В. ЛЕНЕЦ

(ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

В статье представлен семиотический подход к описанию лжи. Данный подход основывается на семантических, синтаксических и прагматических правилах анализа высказываний, в которых искажается истина. Ложь определяется как особый код в языке, который обеспечивает необходимый для отправителя эффект воздействия на получателя.

Ключевые слова: ложь, семантика, синтактика, прагматика, воздействие.

Semiotic Aspects of Lie Description

A. V. LENETS

(THE PEDAGOGICAL INSTITUTE OF SOUTH FEDERAL UNIVERSITY)

The article presents a semiotic approach to description of lie. This approach is based on semantic, syntactic and pragmatic rules of analysis of speech acts, in which the truth is distorted. Lie is determined as a special code in language, which provides the necessary for addressant effect of influence on the recipient.

Keywords: lie, semantics, syntactics, pragmatics, influence.

Предпосылками для лингвистического, а точнее семиотического, описания лжи послужили мнения зарубежных и отечественных ученых. Возможность лжи с помощью слов сделала саму ложь именем собственным для семиотики, т. е. там, где есть сигнификат, там существует возможность для осуществления лжи (Есо, 1987: 89).

Целью настоящей статьи является рассмотрение семиотических принципов описания лжи и выявление семиотических механизмов оформления ложной информации в речи.

Речевые приемы передачи ложного сообщения представляется целесообразным свети к трем основным аспектам семиотики:

— семантическому, который реализуется при использовании метафор, метонимии, эвфемизмов, преувеличений, преуменьшений, пустых слов, иностранных слов;

— синтаксическому, который проявляется в использовании пассивной формы глаго-

ла, различной длины предложения, именно го стиля;

— прагматическому, который выражается в категориях конверсационных импликатур, пресуппозиции, цели высказывания, намерения.

При семантическом изучении знака, т. е. изучении отношения знаков к объектам, которые они обозначают, особую роль играют условия, при которых знак применим к объекту или ситуации. Такие условия или «семантические правила» устанавливают соответствие между знаками и ситуациями, которые данные знаки могут обозначать (Моррис, 2001: 64).

При раскрытии содержания высказываний с точки зрения семантического аспекта лжи выявляется их неадекватность отображаемой реальности. Вопрос о том, насколько значение высказывания, переданное отправителем, соответствует тому значению, которое понял получатель, тесно свя-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Диагностирование языковой личности и речевого поведения политиков», проект № 08-04-00346а.

** Ленец Анна Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры немецкой филологии Педагогического института Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). Тел.: (863) 40-82-09, (863) 299-11-85. Эл. адрес: annalnets@mail.ru

зан с такими понятиями, как интенционал и экстенционал. Интенционал — характеристика концепта или понятия, выраженная через общие свойства всех денотатов и их отношения к другим денотатам или их классам. Экстенционал знака — это класс всех возможных денотатов, к которому отсылает знак.

Понятия интенционала и экстенционала лежат также в основе различения экстенциональных и интенциональных контекстов (Арутюнова, 1982: 32). Интенциональный контекст допускает замену только интенционально эквивалентных выражений. Экстенциональными контекстами называют множества утверждений, в которых экстенционально эквивалентные языковые выражения взаимозаменяемы, т. е. учитывают лишь экстенционал выражений.

Экстенциональная синонимия до недавнего времени рассматривалась редко, но сейчас ей стали уделять большое внимание в работах, посвященных исследованию приемов воздействия на получателя посредством средств массовой информации (Болинджер 1987; Schmid, 2003). Такой интерес объясняется тем, что в предложении экстенционально синонимичные выражения, т. е. выражения, имеющие один денотат, далеко не всегда могут быть заменены так, чтобы информация не изменялась. Введение в заблуждение получателя осуществляется за счет двусмысленности высказывания, которая служит интересам отправителя высказывания. Получатель в процессе декодирования высказывания выбирает одно из нескольких значений. В том, чтобы получатель в процессе декодирования выбрал именно те мысли и чувства, которые намеревался выразить отправитель, помогают языковые выражения, «засоряющие» канал общения.

Засорение канала общения, не являющееся результатом случайности, происходит за счет освобождения или сохранения ряда семантических признаков слова или высказывания (Болинджер, 1987: 38). Выбор того или иного слова или выражения одновременно включает в себя оценочный акт, кото-

рый предполагает определенное воздействие на получателя. В этом случае язык выступает в качестве «инструмента власти» (Блакар, 1987: 91).

Таким «инструментом власти» является создание новых слов и выражений, в коннотации которых есть установка на позитивную реакцию получателя. Новые слова не только освобождают понятия от возможных негативных ассоциаций с каким-либо явлением, но и наделяют слова новыми значениями, в которых коннотации слова смещаются в сторону позитивной оценки.

Следующие пары слов синонимичны с точки зрения экстенционала, однако по ним можно судить о причислении объекта суждения к кругу «своих» или «чужих»: *der Freiheitskämpfer* (борец за свободу) — *der Terrorist* (террорист); *die Verteidigung* (оборона) — *der Angriff* (нападение); *befrieden* (успокаивать) — *zerstören* (разрушать). Противопоставление в данных примерах является важным инструментом власти в идеологических и политических текстах.

Некоторые исследователи указывают на специально изобретенный язык, изменяющий или затемняющий смысл знакомых слов в текстах политиков, рекламы, средств массовой информации. Такое явление получило название «семантическая расплывчатость». Она нацелена на введение собеседника в заблуждение относительно истинного смысла сказанного (Бушев, 2003). К средствам семантической расплывчатости относятся также пафосная лексика, заимствования, псевдонаучная манера выражения, эвфемизмы/дисфемизмы, игра слов, каламбуры, тавтология.

Семантические правила описания лжи не являются автономными, они дополняются и переплетаются с синтаксическими и прагматическими правилами.

В рамках синтаксического анализа лжи устанавливаются структуры и преобразования предложения, которые позволяют незаметно для получателя воздействовать на него. Здесь имеются в виду прежде всего длина предложения, использование пас-

сивных конструкций, опущение элементов предложения, именной стиль, последовательность равноправных между собой элементов в определенном контексте. Остановимся кратко на некоторых способах «эксплуатации синтаксиса» при передаче ложной информации.

Степень развернутости/свернутости ложности высказывания выражается в использовании сложных и простых предложений, с помощью которых отправитель стремится максимально затруднить понимание получателем смысла высказывания. В сложности предложения уже гипотетически заложены затруднения для получателя (особенно в устной речи). Чем сложнее предложение (например, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения), тем сложнее получателю понять смысл высказывания и тем легче отправителю ввести его в заблуждение.

В следующем примере отправитель высказывания — контролер (из романа Ф. Кафки). На требование задержанного предъявить разрешение на обыск и ордер на арест, контролер вместо объяснения пытается сложным высказыванием выразить ложное сочувствие к задержанному, чем вводит получателя высказывания в еще большее замешательство и смятение: «Du lieber Himmel!» sagte der Wächter, «dass Sie sich in Ihre Lage nicht fügen können und dass Sie es darauf angelegt zu haben scheinen, uns, *die wir Ihnen jetzt wahrscheinlich von allen Ihren Mitmenschen am nächsten stehn*, nutzlos zu reizen» (Kafka, 1990: 11).

Противоположный сложным предложениям полюс представляют неполные, простые нераспространенные предложения, с помощью которых отправитель ложного сообщения скрывает действительное положение дел. Известная актриса, арестованная службой государственной безопасности, не желая объяснять действительную причину своего отсутствия мужу, обманывает его с помощью простых односложных предложений: «Christa?!» — «*Komm... ich... na ja... ich war's in Brandenburg... Es gab kein Was-*

ser... Ich muss erst duschen...» (Das Leben der Anderen, 2006).

Пассивные конструкции и деепричастные обороты позволяют отправителю ложного высказывания исключить участников из языкового описания ситуации. Такой прием обычен в заголовках журналов и газет в случае разъяснения, уточнения обстоятельств. В одной из статей журнала «Stern» читательница указывает на допущенную редакцией ошибку в одном из предыдущих выпусков. В упомянутой статье речь шла о «бесплатной и легальной» возможности «скачать» в Интернете известные немецкие кинофильмы. Представительница фонда им. Фридриха Вильгельма Мурнау (известного немецкого режиссера) заявляет, что некоторые кинофильмы, указанные в списке журнала, защищены авторским правом и косвенно упоминает, что их незаконное использование повлечет за собой правовое нарушение. Однако в заголовке статьи редакция газеты с помощью пассивной конструкции с незаполненным агенсом направляет внимание читателей не на признание своей ошибки, а на правовую защищенность фильмов: «*Nach wie vor geschützt*» (Stern, 2006: 15).

Синтаксические механизмы лжи, введения в заблуждение чаще всего применяются в комплексе. Использование пассивной конструкции и одновременное исключение некоторых элементов предложения часто наблюдается при передаче слухов и сплетен. Слухи по мере передачи от человека к человеку могут значительно изменяться в содержании, поэтому говорящий стремится заранее снять с себя всякую ответственность за передаваемую информацию.

Ответственность отправителя за правдивость высказывания может быть снята с помощью смены «коммуникативного веса» семантических ролей, присутствующих в падежной рамке предиката (Бергельсон, Кибрик, 1981: 349). Такой вес определяется ролевой иерархией, начало которой имеет вид: *агенси* (субъект действия) > *экспериенцефер* (объект действия) > *пациенс* (сущность, подвергающаяся действию).

Достаточно много примеров смены веса семантических ролей можно найти в романе Ю. Беккера «Jacob der Lügner», в котором ярко показано распространение слухов. Замещение агенса на заслуживающий доверия источник имеет целью убедить говорящего в правдивости предлагаемой информации. Агенса может замещаться также с помощью неопределенных артиклей, неопределенных местоимений или обобщенных субъектов: «Die ganze Welt weiß, dass er ein Radio hat, und mir, seinem einzigen und besten Freund, will er nichts sagen!» (Becker, 1982: 42). Использование «die ganze Welt» (весь мир) свидетельствует о нежелании отправителя выдавать источник информации.

«Опущение экспериенцера» в предложениях с глаголами «казаться, представляться» также служит для передачи отсутствия ответственности отправителя за высказанное суждение. Такой прием встречается в некоторых устных и письменных текстах бюрократов, педагогов-теоретиков (Болинджер, 1987: 33). Исключение в высказывании агенса, или пациенса, или экспериенцера, нарушая «коммуникативный вес» в предложении, позволяет отправителю разными способами снять с себя ответственность за высказанное утверждение или суждение.

Нарушение равновесия происходит также и в том случае, когда в высказывании отправителя замещается пациент, что позволяет отправителю акцентировать внимание получателя на незначительной стороне описываемого события, дистанцироваться от предлагаемой в высказывании информации. Описываемое событие, в котором доминируют имена, предстает в виде закономерности, которую невозможно изменить. В этом случае говорят об именном, номинальном стиле (Fischer, 2003: 114). Номинальный стиль позволяет управлять процессом понимания, так как отправитель имеет возможность легко выводить из обсуждения важных актантов ситуации (Баранов, 2001: 223). Известно, что номинальный стиль широко использовался в политическом дискурсе

бывшего Советского Союза и ГДР: «In dieser Feststellung liegt die Antwort Webers auf die Frage nach dem Grund für die Tatsache der Entstehung des modernen Kapitalismus ausgerechnet in Europa» (Adolf Holl) (Zimmer, 1996: 39). В качестве номинализации в этом примере выступают слова *Feststellung* (установление) и *Entstehung* (возникновение). В данном предложении были использованы девять имен существительных и только один глагол (*liegt*).

В приведенных выше примерах наглядно проявляется творческий аспект языка. При этом взаимовлияние и взаимовоздействие отправителя и получателя друг на друга являются очевидными. В семантическом и синтаксическом описании лжи уже заложены предпосылки для ее прагматического анализа.

С точки зрения прагматики структура языка — это система поведения знаков (Моррис, 2001: 73). Прагматика лжи является тогда разделом семиотики, который изучает логическое построение ложного высказывания с целью успешного оказания речевого воздействия на получателя.

Одной из противоречивых и активно обсуждаемых категорий в современной отечественной и, преимущественно, зарубежной прагмалингвистике является категория ложности (Вежбицка, 1985; Остин, 1986; Серль, 1986; Giese, 1992; Meibauer, 2005). Будучи изначально категорией логики, ложность рассматривалась как противопоставление истинности. «Переключав» из логики в прагматику, понятие ложности изучается сначала в связи с логическими парадоксами. Одним из таких логических парадоксов в прагматике стал парадокс Мура или парадокс лжеца (ср. высказывание критянина «Все критяне лжецы»). В дальнейшем ученые убеждаются в отнесении категории ложности высказывания именно к кругу вопросов, которыми занимается прагмалингвистика.

Под категорией обычно понимается группа элементов, выделяемая на основе общности признаков, свойств. Языковая категория

включает в себя «любую группу языковых элементов, выделяемую на основании какого-либо общего свойства; некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» (Булыгина, Крылов, 1990: 215).

Содержание категории в терминах внутренних оппозиций и вхождения в тот или иной категориальный комплекс представляет собой категориальную формулу, внутри которой разграничиваются внешняя и внутренняя формулы. Внутреннюю категориальную формулу конститутивных признаков ложности можно схематично представить как сумму постоянных и переменных признаков. Переменные признаки включают в себя: *отправителя + получателя + пресуппозицию*. А постоянные признаки представлены в общем виде как *нарушение = намерение + искренность*.

Изучение лжи важно проводить в связи с адресатом речи, так как оценка истинности или ложности высказывания осуществляется получателем в соответствии с его речевой компетенцией, конвенциями общения, возможностями выбора, а также с его психическим состоянием и социальными ритуалами. При изучении лжи в связи с субъектом речи являются важными прагматическое значение высказывания, референция отправителя, прагматические пресуппозиции, отношение говорящего к тому, о чем он сообщает.

Значение, которое вкладывает отправитель в высказывание, согласно классической типологии импликатуры состоит из того, «что сказано» и «что подразумевалось». Говорящий передает больше того, что сообщают на самом деле его слова. Он передает целый набор контекстно-подразумеваемых представлений, носящих название импликатур. Конверсационная импликатура — инференция дополнительного сообщения, получаемого слушателем, который прибегает к правилам успешного конверсационного

взаимодействия. Различаются конвенциональные и конверсационные (или коммуникативные) импликатуры (Грайс, 1985: 221). Первые получаются чисто логически из конвенционального, т. е. обычного, значения используемых слов или из логической структуры предложений и указываются некоторым «конвенциональным» (условным, обычным) значением слов в предложении. Вторые определяются коммуникативно-значимыми отклонениями от предполагаемого или подразумеваемого соблюдения ряда основных принципов общения.

Понятие пресуппозиции играет большую роль в речевой ситуации лжи/обмана. Пресуппозитивные свойства получателя заключаются в употреблении отправителем высказывания, которое считается само собой разумеющимся для получателя или просто ему известным. Набор пресуппозиций говорящего определяется на основании утверждений, которые он делает. Пресуппозиции — пропозиции, неявно подразумеваемые еще до начала передачи речевой информации. В ситуации лжи/обмана пропозиция является ложной, в качестве пресуппозиции отправитель использует нечто, что получатель считает истинным. Эксплуатация ложностью пресуппозиции составляет необходимое условие успешности высказывания, в котором действительность искажается за счет якобы имеющихся знаний получателя.

В процессе создания высказывания отправитель использует языковые средства для внедрения двойственного смысла. Создание двойственности смысла позволяет отправителю ложного высказывания успешно манипулировать сознанием получателя, т. е. оказывать на него воздействие. Посредством передачи ложной информации, частичного или полного преобразования истинной информации в высказывании в ложную участники коммуникации воздействуют друг на друга. Речевое воздействие понимается как влияние на личность и поведение человека с целью изменения его ментального и психологического состояния, т. е. изменения его «состояния мира» (Harras, 1983: 131–132).

Осуществление ложного высказывания в семиотическом осмыслении есть любая межсубъектная совокупность знаковых средств, употребление которых определено семантическими, синтаксическими и прагматическими правилами. Ложь, в которой существует особая грамматика, особое использование лексики, особые правила словоупотребления и синтаксиса, определяется как особый код в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова, Н. Д. (1982) Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика. М. С. 5–39.
- Баранов, А. Н. (2001) Введение в прикладную лингвистику. М.
- Бергельсон, М. Б., Кибрик, А. Е. (1981) Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка // Изв. АН СССР. Сер. Лит-ры и языка. Т. 40. № 4. С. 343–355.
- Блакар, Р. М. (1987) Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М. С. 88–127.
- Болинджер, Д. (1987) Истина — проблема лингвистическая // Там же. С. 23–43.
- Бульгина, Т. В., Крылов, С. А. (1990) Категория // Лингвистический энциклопедический словарь. М. С. 215.
- Бушев, А. Б. (2003) Семантическая расплывчатость в социально-политическом дискурсе : доклад [Электронный ресурс] // Российское образование : соц.-гуманитар. и политол. образование : образоват. портал. URL: <http://humanities.edu.ru/db/msg/45805> (дата обращения: 27.02.2010).
- Вежбицка, А. (1985) Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М. С. 251–275.
- Грайс, Г. П. (1985) Логика и речевое общение // Там же. С. 217–237.
- Моррис, Ч. У. (2001) Основания теории знаков // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. М. ; Екатеринбург. С. 45–97.
- Остин, Дж. (1986) Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М. С. 22–130.
- Серль, Дж. Р. (1986) Классификация иллокутивных актов // Там же. С. 170–194.
- Becker, J. (1982) Jakob der Lügner. Frankfurt am Main.
- Das Leben der Anderen. (2006) Ein Film von Florian Henckel von Donnersmarck. DVD.
- Eco, U. (1987) Semiotik. Entwurf einer Theorie der Zeichen. Übersetzt von Günter Memmert. München : Verlag.
- Fischer, R. (2003) Doublespeak und Doublethink: Die Kunst, nichts oder etwas ganz anderes zu sagen, als zu meinen // Kulturen der Lüge. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag. S. 99–121.
- Giese, B. (1992) Untersuchungen zur sprachlichen Täuschung. Tübingen.
- Harras, G. (1983) Handlungssprache und Sprechhandlung: Eine Einführung in die handlungstheoretischen Grundlagen. Berlin ; N. Y. S. 131–132.
- Kafka, F. (1990) Der Proceß. Roman in der Fassung der Handschrift. Frankfurt am Main.
- Meibauer, J. (2005) Lying and Falsely Implicating // Journal of Pragmatics, 37. P. 1373–1399.
- Schmid, J. (2003) Über Techniken, andere hinter Licht zu führen. Sozialpsychologische Einblicke in das Repertoire von Täuschungen und Verzerrungen // Robert Hettlage (Hrsg.): Verleugnen, Vertuschen, Verdrehen. Leben in der Lügengesellschaft. Konstanz. S. 51–64.
- Stern (2006) Zeitschrift. № 45. S. 15.
- Zimmer, D. E. (1996) Redensarten. Über Trends und Tollheiten im neudeutschen Sprachgebrauch. München.